

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 347–353

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 347–353

<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-3-347-353>

Научная статья
УДК 327.2

Международное миротворчество и уголовное правосудие ООН: политико-правовая корреляция и подобие

П. В. Шамаров

¹Военная академия Министерства обороны Российской Федерации, Россия, 123060, г. Москва, ул. Народного Ополчения, д. 50

²Академия военных наук Российской Федерации, Россия, 119330, г. Москва, Университетский проспект, д.14

Шамаров Павел Вячеславович, кандидат военных наук, доцент, доцент кафедры национальной безопасности¹; профессор², pvs291189@gmail.com

Аннотация. В статье идентифицированы и раскрыты объективные политико-правовые корреляционные связи между международной миротворческой деятельностью и международным уголовным правосудием, что позволяет позиционировать последнее в качестве завершающей фазы миротворческой практики ООН. Аргументируется необходимость учета такой корреляции в отечественном миротворчестве на основе лоббирования в мире восприятия указанной деятельности России под углом примирения конфликтующих сторон; геополитического препона для реализации любых форм геноцида; обеспечения международного мира и безопасности. Обосновывается потребность в повышении международной значимости нашего государства с использованием нешаблонных внешнеполитических подходов и технологий в интересах системного опережения геополитических конкурентов России в международной политико-правовой и миротворческой сфере.

Ключевые слова: международное миротворчество, международное уголовное правосудие, международный уголовный трибунал, национальные интересы

Для цитирования: Шамаров П. В. Международное миротворчество и уголовное правосудие ООН: политико-правовая корреляция и подобие // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 347–353. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-3-347-353>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

International peacekeeping and the UN criminal justice: Political and legal correlation and similarity

P. V. Shamarov

Military Academy of the Ministry of Defense of the Russian Federation, 50 Narodnogo Opolcheniya St., Moscow 123060, Russia

Academy of Military Sciences of the Russian Federation, 14 Universitetsky Prospect, Moscow 119330, Russia

Pavel V. Shamarov, pvs291189@gmail.com

Abstract. The article identifies and reveals objective political and legal correlations between international peacekeeping activities and international criminal justice, which allows positioning the latter as the final phase of the UN peacekeeping practice. The need to take into account such correlation in domestic peacekeeping is substantiated on the basis of lobbying in the world for the perception of such practice of Russia from the angle of reconciliation of the conflicting parties; geopolitical obstacle to the implementation of any form of genocide; ensuring international peace and security. The need is substantiated to increase the international significance of our country using unconventional foreign policy approaches and technologies in the interests of systematically getting ahead of Russia's geopolitical competitors in the international political, legal, and peacekeeping sphere.

Keywords: international peacekeeping, international criminal justice, international criminal tribunal, national interests

For citation: Shamarov P. V. International peacekeeping and UN criminal justice: Political and legal correlation and similarity. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 347–353 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-3-347-353>

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Увязка института миротворчества с практикой органов международного уголовного правосудия или созданных пострадавшими государствами со значительной помощью ООН смешанных

(гибридных) судов; оценка деятельности и политической роли таких учреждений в современном миротворческом процессе; идентификация политико-правовой корреляции между названными

геополитическими инструментариями международного сообщества до сих пор остаются белым пятном в мировой академической науке.

Во многом данную ситуацию можно объяснить традиционно-односторонним исследованием таких международных инструментов только в двух аспектах: а) либо с точки зрения политической сути миротворчества ООН; б) либо с позиции правового содержания уголовного правосудия последней. При этом эти два ключевых политико-правовых ресурса Организации Объединенных Наций совместно не сопоставляются и не рассматриваются, а напротив – изучаются обособленно и автономно. Между тем, по нашему мнению, как миротворчеству, так и уголовному правосудию ООН свойственно определенное подобие, объективированное их политико-правовой природой и содержанием, а также стратегическим и геополитическим значением для международного сообщества, заинтересованного в своей эволюции без угрозы глобальных войн, масштабных региональных конфликтов, других опасных вызовов и рисков для современной цивилизации. При этом подчеркнем, что не считаем идентично-подобными такие понятия, как «международное сообщество» и «консолидированный Запад»¹, даже с учетом временного геополитического засилья псевдоноваторских и так называемых прогрессивных цивилизаторских подходов США и стран НАТО в ООН, ОБСЕ, других наднациональных (международных, региональных и субрегиональных) организациях, в том числе в отношении практического миротворчества.

Вместе с тем именно судебная деятельность уголовных учреждений ООН наполняет новым содержанием международное право, регламентирующее процессуальные основы работы международных судов и трибуналов, обобщенная практика которых, в свою очередь, в обязательном порядке учитывается в миротворчестве под эгидой Организации Объединенных Наций или иных уполномоченных акторов, в том числе Российской Федерации.

С учетом изложенного целью данной статьи является вычленение и идентификация политико-правовой корреляции между миротворчеством ООН (одним из наиболее эффективных инструментов по оказанию действенной помощи постконфликтным странам, в том числе в политической области)² и международным уголовным правосудием – значимым геополитическим фактором по сдерживанию в мире роста уровня конфликтности и агрессивности.

Одновременно считаем, что к наиболее результативным формам исследовательской работы следует отнести междисциплинарный анализ на стыке ряда отраслей науки (в нашем случае – политологии и международного права), позволяющий наглядно, убедительно и адекватно оценить изучаемый предмет с различных фокусных пози-

ций, релевантных как для миротворчества, так и для международного права. Указанный научный подход, по нашему мнению, не только приемлем и допустим, но также разумен и целесообразен, поскольку позволяет обособить исследуемые связи уже на этапах их формирования, что не противоречит законам логики и дедукции.

Международное уголовное правосудие ООН

Под международным уголовным правосудием в системе современного международного права понимается одно из направлений межгосударственного сотрудничества по реализации судебными органами³ деятельности по расследованию, уголовному преследованию, рассмотрению и разрешению по существу дел в отношении международных, а также иных, отнесенных к юрисдикции данных органов, преступлений⁴.

По нашему мнению, несмотря на свою относительно непродолжительную профессионально-деятельностную и корпоративную историю, существующие органы международного уголовного правосудия не являются зарождающимися (их становление произошло еще в конце 1990-х гг.), хотя, бесспорно, многие вопросы практической деятельности последних, в том числе в политико-правовой области, до сих пор остаются открытыми и дискуссионными.

К настоящему времени большинство уголовных судебных учреждений ООН уже фактически завершили свою работу, вскоре будут расформированы, а их досудебная и процессуальная практика достаточно подробно исследована научно-экспертным сообществом, полагающим, что все они так или иначе обогатили международное право рядом значимых новаций.

Между тем именно международное уголовное правосудие порой объективно ставит «последнюю точку» как в ожесточенном и бескомпромиссном внутригосударственном вооруженном противостоянии, так и в самой практике миротворчества на затронутой конфликтом территории. При этом приходится констатировать, что такой «завершающий политико-правовой аккорд» Организации Объединенных Наций звучит, к сожалению, не всегда в пользу современных России, отвечает ее национальным интересам и внешнеполитическим приоритетам, процессу укрепления национальной безопасности и российской гражданской идентичности⁵.

Об этом, в частности, свидетельствует судебная практика Международного трибунала по бывшей Югославии (далее – МТБЮ), демонизировавшего по политической указке «наших западных партнеров» югославских сербов – одних из крайне немногих исторических союзников России в Европе. Их стратегический проигрыш на Балканах во многом был предопределен прямой поддержкой США и НАТО воинственных

югославских сепаратистов в ходе развязанного ими масштабного и кровопролитного внутреннего вооруженного этнонационального конфликта, беспрецедентным военно-политическим давлением Вашингтона и Брюсселя на Белград, соглашательской, непоследовательной и хаотичной в то время политикой Москвы по поводу балканского кризисного урегулирования в рамках реализации американской «дорожной карты».

Все это позволило МТБЮ показательно, эффективно и системно игнорировать официальную позицию России и Сербии по данному вопросу, их справедливые возражения в отношении предвзятости, политизированности, ангажированности и необоснованной затянутости данного судебного процесса⁶, сфабрикованного новейшим международным правосудием типа «made in the USA».

Международное миротворчество и уголовное правосудие ООН

Вместе с тем полагаем, что международное миротворчество, с одной стороны, и уголовное правосудие ООН, интегрирующее в своих рамках Международные уголовные трибуналы по бывшей Югославии и Руанде, а также гибридные уголовные учреждения с участием ООН (Специальный суд по Сьерра-Леоне, Чрезвычайные палаты в судах Камбоджи, Трибунал по Ливану), с другой, характеризуются рядом схожих политико-правовых черт.

В первую очередь, указанное подобие объективировано развалом Советского Союза в декабре 1991 г., что кардинальным образом изменило глобальную международную обстановку и спровоцировало ряд ожесточенных этнополитических конфликтов. Последнее актуализировало геополитическую востребованность не только в национальном миротворчестве членов ООН, в том числе и демократической России, но и воссоздание на мировой сцене (по подобию Нюрнбергского и Токийского международных военных трибуналов) вышеперечисленных учреждений уголовного правосудия ООН.

Следует отметить, что в соответствии с Уставом ООН Совет Безопасности не имеет права учреждать международный суд по уголовным делам. По этой причине современные международные трибуналы были образованы как вспомогательные органы Совбеза со ссылкой на ст. 29 Устава ООН, в которой закреплено право Совета учреждать любые органы, какие он сочтет необходимыми для реализации своих полномочий в деле поддержания международного мира и глобальной безопасности. В указанной особенности и состоит, по нашей оценке, принципиальная разница между международным трибуналом ООН и классическим международным судом, создаваемым на основании международного договора (например, Международный Суд ООН или Европейский суд по правам человека).

Дальнейшее ухудшение международной стабильности и глобальной безопасности потребовало формирования в 1992 г. в рамках Секретариата ООН в качестве самостоятельной структуры такой политической структуры, как Департамент операций по поддержанию мира. Его целями в ходе выполнения мандатов (решений) Совбеза в настоящее время являются:

а) обеспечение политического и исполнительного руководства международными миротворческими операциями ООН;

б) поддержание контактов с Советом Безопасности, странами-членами ООН, предоставляющими национальные воинские контингенты и финансовые ресурсы,

в) взаимодействие с конфликтующими сторонами⁷.

Одновременно за реализацию миротворческих операций по мандату Совбеза стал непосредственно отвечать заместитель Генерального секретаря ООН по операциям по поддержанию мира.

Полагаем, что создание вышеуказанной структуры и Департамента полевой поддержки, а также глубокая реорганизация Департамента по политическим вопросам и наличие в Уставе ООН возможности для пересмотра функциональных полномочий вспомогательного органа Совбеза – Военно-штабного комитета (далее – ВШК) послужили официальным предлогом для Секретариата проигнорировать закрепленную в Уставе ООН роль ВШК. Вместе с тем именно последний уполномочен «давать советы и оказывать помощь Совету Безопасности по всем вопросам, относящимся к военным потребностям Совета в деле поддержания международного мира и безопасности, к использованию войск, предоставленных в его распоряжение, и к командованию ими, а также к регулированию вооружений и к возможному разоружению»⁸.

По мнению руководства ООН, динамика холодной войны и отказ на раннем этапе от формирования автономных постоянных войск Организации Объединенных Наций якобы не позволили ВШК «выполнять функции глобального оборонного ведомства»⁹. При этом была проигнорирована и ответственность Военно-штабного комитета «за стратегическое руководство любыми вооруженными силами, предоставленными в распоряжение Совета Безопасности ООН»¹⁰.

В результате у ВШК – де-юре вспомогательного органа Совбеза ООН – остались лишь консультативные и представительные функции военных советников при постоянных национальных представительствах в Организации Объединенных Наций. Это де-факто означает, по нашей оценке, полное исключение указанной структуры из миротворческой практики ООН и возможности использования в национальных интересах России геополитического ресурса ВШК, на должностях которого проходят международную службу ряд российских военнослужащих.

Такая ситуация способствовала упрочению в Секретариате ООН (ставшего, по сути, с начала 2000-х гг. органом геополитического воздействия Запада) трансатлантических позиций и установок; засилью в миротворчестве ООН национальных подходов евроатлантических акторов и их региональных объединений; расширению влияния эффекта политико-правой аберрации миротворческой семантики¹¹.

Все это прямо противоречит «духу и букве» непредвзятой миротворческой деятельности, заложенной в нормах Устава ООН, а также задачам обеспечения глобальной безопасности и сохранения международного мира. Последующее же активное использование с начала третьего тысячелетия миротворческого механизма в собственных эгоцентричных и политизированных национально-блоковых целях странами западной идентичности приобрело, по нашей оценке, черты условного правового обычая для многих членов международного сообщества.

Считаем, что вышеперечисленное оказало непосредственное влияние как на практику миротворчества ООН, так и на результаты ее уголовного правосудия, осуществляемого в период после завершения «горячей фазы» конфликта в интересах привлечения к ответственности лиц, виновных в рамках международного гуманитарного права в наиболее тяжких преступлениях, вызывающих озабоченность мирового сообщества; или в случае инициативного обращения национального правительства в Совет Безопасности ООН с просьбой организовать соответствующее расследование и судебное преследование.

К примеру, когда правительство Камбоджи в 1997 г. попросило помощи у Совбеза ООН в организации и осуществлении судебного процесса в отношении бывших руководителей Демократической Кампучии и их пособников¹², то последний предлагал сформировать международный уголовный судебный орган по формальному подобию МТБЮ. Однако данный вариант был категорически отклонен камбоджийским правительством вследствие серьезных опасений с его стороны в отношении возможности повторения прецедента политизированной и пристрастной расправы, организованной международным правосудием над балканскими сербами в Гааге по геополитическому заказу Запада¹³.

Во-вторых, международное миротворчество и международное уголовное правосудие (в рамках практической реализации закрепленных в Уставе ООН полномочий ее стран-участниц и Совета Безопасности) обусловлены общей первопричиной – острой кризисной ситуацией, связанной с вооруженными конфликтами, этническим насилием, отсутствием внутренней безопасности, военными преступлениями, преступлениями против мира и человечности, геноцидом, нарушениями международного гуманитарного права и прав человека¹⁴.

В этой связи практика миротворчества и уголовного правосудия ООН направлена на обеспечение, гарантирование и поощрение в постконфликтных условиях прав человека; реинтеграцию бывших комбатантов; содействие в восстановлении верховенства права¹⁵. При этом в состав многопрофильных миротворческих операций и миссий ООН включены специальные подразделения (группы) по актуализации проблематики прав человека во всех сферах жизнедеятельности¹⁶.

В-третьих, и миротворчество, и уголовное правосудие ООН совместно решают задачи по обеспечению физической защиты мирного населения, которые после трагического фиаско международных миротворцев в Руанде в 1994 г. и Сребренице (Босния) в 1995 г.¹⁷ в отношении выполнения такой защитной функции считаются приоритетными и основными.

В этой связи подчеркнем, что принципиальной новацией в мировой юридической практике явилась классификация Международным уголовным трибуналом по Руанде изнасилования в качестве преступления против человечности и элемента геноцида (изнасилование в целях совершения геноцида). Указанное определение получило широкое правовое использование.

В частности, в выданных Международным уголовным судом в 2007 г. ордерах на арест двух суданских подозреваемых были указаны случаи изнасилования, квалифицированные одновременно как военные преступления и преступления против человечности¹⁸. Все это обязательно учитывается в практике новейшего миротворчества ООН, ее стран-участниц и их региональных объединений *ad hoc*.

В-четвертых, Международные уголовные трибуналы по бывшей Югославии и Руанде, смешанные или гибридные суды (учрежденные с помощью Организации Объединенных Наций правительствами Камбоджи, Ливана и Сьерра-Леоне)¹⁹ организуются в соответствии с отдельной резолюцией Совета Безопасности ООН²⁰. На основании подобного решения Совбеза создаются и формируются любые миротворческие полевые и политические миссии ООН.

В-пятых, территория оперативной ответственности полевой миротворческой миссии (операции) является одновременно и областью территориальной юрисдикции соответствующего судебного органа ООН.

Так, территориальная юрисдикция МТБЮ распространялась на всю бывшую Социалистическую Федеративную Республику Югославия, включая ее сухопутную территорию, воздушное пространство и территориальные воды²¹. При этом указанное пространство является одновременно и зоной оперативной ответственности миссии ООН в Косово. В свою очередь, территориальная юрисдикция Международного трибунала по Руанде – национальные рамки данной

страны, включая ее сухопутную территорию и воздушное пространство, а также территорию соседних государств в отношении серьезных нарушений международного гуманитарного права, совершенных гражданами Руанды²². Все это по аналогии – зона оперативной ответственности миссии ООН по оказанию помощи Руанде.

В-шестых, как международные уголовные трибуналы ООН и гибридные судебные структуры с ее участием, так и международные операции по поддержанию мира, полевые и политические миротворческие миссии ООН являются вспомогательными органами Совета Безопасности Организации Объединенных Наций. При этом они одновременно являются де-юре и де-факто именно действующими, а не номинальными органами, как, например, ранее рассмотренный нами ВШК.

В-седьмых, наличествует тесное рабочее служебное взаимодействие и корпоративное сотрудничество соответствующего судебного органа ООН и международной миротворческой миссии.

Примером указанной взаимосвязи служит политическое, силовое, материально-техническое, специальное и другое обеспечение полевой миссией ООН оперативно-розыскных, информационных и иных мероприятий международных судебных учреждений в территориальных рамках своей оперативной ответственности, интенсивный двухсторонний служебный документооборот, обмен международным персоналом и всестороннее содействие в выполнении задач правосудия ООН на подконтрольной миссии территории, включая сопредельные страны. В частности, при каждом силовом задержании в Косово и последующем конвоировании в Гаагу обвиняемых МТБЮ в тяжких преступлениях лиц постюгославской идентичности (без учета их фактической национальной принадлежности) миротворческая группировка НАТО КФОР и полевая миротворческая миссия ООН в Косово одновременно переводились в степень готовности «повышенная» с выполнением комплекса необходимых оперативных мероприятий.

В-восьмых, как международное миротворчество, так и международное уголовное правосудие являются достаточно молодыми геополитическими феноменами или политико-правовыми ресурсами ООН, институализировавшими свой функционал практически одновременно – во второй половине XX столетия.

В-девятых, миротворческой деятельности ООН и международному уголовному правосудию свойственна такая общая черта, как организационно-структурная гибкость, адаптируемая под конкретную обстановку в конфликтном (постконфликтном) регионе.

К примеру, с конца 1990-х гг. развертывание и функционирование как международных миротворческих сил в ходе многопрофильных операций по поддержанию мира, так и органов

уголовного правосудия ООН осуществляется вариативно – в рамках различных конфигураций с учетом кризисной (посткризисной) внутренней обстановки и национальной специфики принимающего (пострадавшего) государства. Это, в частности, было учтено в организации деятельности Чрезвычайных палат в судах Камбоджи, политико-правовые условия для формирования которых появились, по нашей оценке, только спустя 27 лет после свержения в январе 1979 г. режима Пол Пота, внешнего силового прекращения связанного им масштабного геноцида, образования Народной Республики Кампучии.

И последнее. Международное миротворчество и уголовное правосудие ООН уместно отнести к механизму «уникального глобального партнерства»²³, интегрирующего совместную деятельность Совета Безопасности, Генеральной Ассамблеи, Секретариата, стран-участниц ООН и их национальных правительств в интересах поддержания международного мира, безопасности и миропорядка на основе всеобъемлющей легитимности Устава ООН, соответствующей практики ее членов и донорского предоставления ими требуемых ресурсов.

Таким образом, идентифицированный выше ряд подобных черт и позволяет утверждать о наличии между миротворчеством и уголовным правосудием ООН объективной корреляционной связи, присутствие которой также подтверждается результатами контент-анализа действующих политических документов ООН.

Так, органы международного уголовного правосудия в настоящее время официально позиционируются руководством ООН как «способствующие восстановлению мира путем содействия примирению»²⁴, что и составляет принципиальное содержание миротворчества Организации Объединенных Наций, направленного на «создание условий для установления прочного мира»²⁵. Все это и позволяет считать международное уголовное правосудие завершающей фазой миротворческой практики ООН.

Использование идентифицированных политико-правовых корреляций в национальных интересах России

Думается, что идентифицированные выше политико-правовые корреляционные связи необходимо учитывать, прежде всего, в практике миротворчества России. При этом позиционирование на мировой сцене отечественных миротворческих операций целесообразно осуществлять через рационально-прагматичное культивирование, лоббирование и продвижение их восприятия в международном сообществе с позиции окончательного общенационального примирения враждующих сторон; надежного геополитического препона для осуществления любых форм геноцида; обеспечения международного мира, глобальной без-

опасности и стратегической стабильности. Этому способствуют, по нашему мнению, следующие геополитические детерминанты:

1) позитивные результаты и высокая эффективность новейшего российского миротворчества на ближневосточном и постсоветском пространстве, в том числе на территории Нагорного Карабаха²⁶. Только благодаря активной миротворческой практике России в Сирии, бывших республиках СССР и Югославии спасены от уничтожения миллионы мирных жителей, созданы необходимые условия для политического диалога и налаживания мирной жизни;

2) значительная практическая отдача отечественных миротворческих контингентов, действовавших порой даже в крайне неблагоприятной (а порой и враждебной) для них внешнеполитической и внутренней обстановке, например, в ходе балканского кризисного урегулирования. Этот факт официально признается и в ООН;

3) отсутствие всеобщего восприятия Российской Федерации в качестве угрозы международному миру и безопасности среди большинства государств-участников ООН, включая членов НАТО, вопреки дезинформационной, русофобской и антироссийской кампании, развязанной за рубежом в интересах «исторического ревизионизма»²⁷ рядом одиозных западных и отдельных постсоветских стран;

4) традиционное позиционирование многими странами мира нашего государства в двоякой ипостаси: а) достаточно успешной исторической альтернативы западной цивилизации, менталитету и образу жизни; б) значимого геополитического актора, сдерживающего на стратегическом уровне доминирование в мире агрессивной военной силы США и НАТО.

Системная пропаганда в ООН, ОБСЕ, СНГ, ОДКБ, АС и других наднациональных организациях позитивной политико-правовой оценки миротворчества России могла бы способствовать нивелированию накала политизированных обвинений Запада и его постсоветских сателлитов в отношении отечественных миротворческих операций, правильному восприятию за рубежом внешней политики нашего государства, укреплению его международного имиджа, геополитического значения и влияния.

Наряду с этим не следует сбрасывать со счетов и возможность новой организации (с учетом доминирующих евроатлантических позиций в Секретариате ООН и возможностей Запада «по геополитической инженерии», традиционного потребительски-агрессивного и лицемерно-двурушнического отношения к России) политизированно-ангажированной (по примеру МТБЮ) «новаторской» международной уголовной судебной практики. Последняя не станет отвечать национальным интересам и внешнеполитической линии России, нормам Устава ООН, принципами

международного права и миротворчества. Все это способно нанести ущерб процессу реализации за рубежом отечественных национальных интересов, негативно отразиться на геополитических возможностях и международном имидже нашей страны.

Военно-политическая картина мира меняется динамично²⁸. На современном этапе ей свойственны не только накопление конфликтного потенциала²⁹; нацеленность консолидированного Запада на сохранение своего глобального доминирования и всестороннее сдерживание России³⁰; но и разрушение сложившейся после Второй мировой войны архитектуры всеобщей безопасности; отказ от общепринятых норм международного права и универсальных подходов в межгосударственных отношениях; снижение фундаментальной значимости принципов национального суверенитета и нерушимости государственных границ³¹. Данные негативные факторы нельзя не учитывать во внешней политике России, повышение международного влияния которой невозможно без гарантированного нивелирования даже частичной материализации любых неблагоприятных сценариев и международно-правовых рецидивов как в мировой политике, так практике миротворчества и уголовного правосудия ООН.

В целом, указанная парадигма требует использования в целях исключения стратегического внешнеполитического поражения России, возникновения на ее территории войны и конфликтов³² новаторских и результативных технологий, надежно купирующих любые угрозы для реализации национальных интересов и национальной безопасности на основе системного и проактивного опережения наших геополитических конкурентов на международном политико-правовом и миротворческом поприще.

Абсолютным, всеобъемлющим и бесспорным стратегическим императивом и международным политико-правовым базисом для этого являются глобальная ответственность Российской Федерации за «поддержание международного мира и безопасности»³³, а также «обеспечение судебного преследования за совершение тяжких преступлений и других серьезных нарушений прав человека»³⁴, которую несет наше государство в триединой ипостаси – как ключевой участник мирового сообщества; Постоянный член Совета Безопасности ООН; легитимная и мощная ядерная держава.

Примечания

¹ См.: Концепция внешней политики Российской Федерации (утв. Указом Президента России 30.11.2016), п. 4 // Российская газета. 2016. 1 дек.

² См.: Что такое деятельность по поддержанию мира // Операции ООН по поддержанию мира. URL: <https://peacekeeping.un.org/ru/what-is-peacekeeping> (дата обращения: 14.03.2021).

- ³ Такие органы учреждаются при непосредственном участии ООН на основании или во исполнение международных договоров.
- ⁴ См.: *Волеводз А. Г.* Современная система международной уголовной юстиции : понятие, правовые основы, структура и признаки // *Международное уголовное правосудие : современные проблемы* / под ред. Г. И. Богущ, Е. Н. Трикоз. М. : Ин-т права и публичной политики, 2009. С. 303–323 ; *Правосудие в современном мире* / В. М. Лебедев, Т. Я. Хабриева, А. С. Автономов [и др.] ; под ред. В. М. Лебедева, Т. Я. Хабриевой. 2-е изд., доп. и перераб. М. : Норма, 2017. С. 194.
- ⁵ См.: О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года : указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 // *Российская газета*. 2018. 9 мая.
- ⁶ См.: Дела Международного трибунала по бывшей Югославии. Досье // ТАСС : [сайт]. 2016. 23 марта. URL: <https://tass.ru/info/2903695> (дата обращения: 13.03.2021).
- ⁷ См.: Военно-штабной комитет ООН // Совет Безопасности ООН. URL: <https://www.un.org/securitycouncil/ru/subsidiary/msc> (дата обращения: 10.03.2021).
- ⁸ Устав ООН (полный текст). Ст. 47 (п. 1) // Организация Объединенных Наций : [сайт]. URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (дата обращения: 15.02.2021).
- ⁹ Военно-штабной комитет ООН.
- ¹⁰ Устав ООН (полный текст). Ст. 47 (п. 3).
- ¹¹ Подробнее см.: *Шамаров П. В.* Эффект политико-правовой аберрации международного миротворчества : причины, сущность и значение // *Представительная власть – XXI век*. 2020. № 4. С. 38–43.
- ¹² См.: Agreement between the United Nations and the Royal Government of Cambodia concerning the prosecution under Cambodian law of crimes committed during the period of Democratic Kampuchea / United Nations Audiovisual Library of International Law. URL: http://legal.un.org/avl/pdf/ha/abunac/abunac_ph_e.pdf (дата обращения: 13.11.2020).
- ¹³ См.: Режим Пол Пота в Камбодже. URL: http://asialive.info/2016/01/rezhim_pol_pota_v_kambodzhe_18_472182.html (дата обращения: 22.10.2016).
- ¹⁴ См.: Международные трибуналы // Совет Безопасности ООН. URL: <https://www.un.org/securitycouncil/ru/content/repertoire/international-tribunals> (дата обращения: 13.03.2021) ; Основные сведения об Организации Объединенных Наций : справочник. Нью-Йорк : Департамент общественной информации ООН, 2015. С. 63.
- ¹⁵ См.: Что такое деятельность по поддержанию мира ; Международные и смешанные уголовные суды и трибуналы // Организация Объединенных Наций и верховенство права. URL: <https://www.un.org/ruleoflaw/ru/thematic-areas/international-law-courts-tribunals/international-hybrid-criminal-courts-tribunals/> (дата обращения: 13.03.2021).
- ¹⁶ См.: Поорщение прав человека // Операции ООН по поддержанию мира. URL: <https://peacekeeping.un.org/ru/promoting-human-rights> (дата обращения: 14.03.2021).
- ¹⁷ См.: *Dewyn M.* Risk Distribution between UN Peacekeepers and Local Civilians : An Ethical Analysis // *Russian Journal of Philosophical Science*. 2021. Vol. 63, № 11. P. 128–144. <https://doi.org/10.30727/0235-1188-2020-63-11-128-144>
- ¹⁸ См.: *Шамаров П. В.* Международное правосудие в системе современной миротворческой деятельности. М. : Граница, 2017. С. 159–161.
- ¹⁹ См.: Основные сведения об Организации Объединённых Наций : справочник. С. 9.
- ²⁰ Там же. С. 9–12, 66–69.
- ²¹ См.: Международный трибунал по бывшей Югославии. Устав. Ст. 8. URL: <https://www.un.org/ru/law/icty/charter.shtml> (дата обращения: 13.03.2021).
- ²² См.: Международный трибунал по Руанде. Устав. Ст. 7. URL: <https://www.un.org/ru/law/ictc/charter.shtml> (дата обращения: 13.03.2021).
- ²³ Что такое деятельность по поддержанию мира.
- ²⁴ Международный трибунал по бывшей Югославии. URL: <http://www.un.org/ru/law/icty> (дата обращения: 12.03.2021).
- ²⁵ Что такое деятельность по поддержанию мира.
- ²⁶ См.: *Путин В. В.* Послание Президента России Федеральному Собранию 21 апреля 2021 г. // *Российская газета*. 2021. 21 апр.
- ²⁷ См.: *Путин В. В.* 75 лет Великой Победы : общая ответственность перед историей и будущим // *Российская газета*. 2020. 19 июня.
- ²⁸ Подробнее см.: *Белозеров В. К.* Особенности военно-политической картины современного мира // *Вооруженные силы Российской Федерации : модернизация и перспективы развития* / под ред. И. Ю. Коротченко. М. : ИД «Национальная оборона», 2012. С. 9–24.
- ²⁹ См.: *Путин В. В.* Послание Президента России Федеральному Собранию 15 января 2020 г. // *Российская газета*. 2020. 16 янв.
- ³⁰ См.: Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента России № 683 от 31.12.2015), п. 12–15 // *Российская газета*. 2015. 31 дек.
- ³¹ См.: Материалы VIII Московской конференции по международной безопасности 23–25 апреля 2019 г. / Министерство обороны Российской Федерации. М. : Синхротел, 2019. С. 20–21, 219–220.
- ³² См.: *Белозеров В. К.* Пространство и граница России в условиях глобальной политической динамики // *О национально ориентированной теории международных отношений* (к 80-летию профессора П. А. Цыганкова) / под ред. Л. Э. Слуцкого, А. Ю. Шутова ; авт.-сост. А. Н. Иохим, И. Б. Мамедов, О. Е. Пучнина ; науч. ред. З. Н. Осадченко. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2021. С. 293–306.
- ³³ Устав ООН (полный текст). Преамбула; ст. 1, 39, 41.
- ³⁴ Международные и смешанные уголовные суды и трибуналы.

Поступила в редакцию 27.04.2021, после рецензирования 10.05.2021, принята к публикации 15.05.2021
 Received 27.04.2021, revised 10.05.2021, accepted 15.05.2021